

ЛЕРМОНТОВ

К столетию со дня смерти

Столетие со дня рождения Лермонтова исполнилось в 1914 году, столетие со дня смерти исполняется сегодня. Таким образом, две эти даты обрамляют эпоху, уместившуюся между двумя войнами. Конечно, это случайность, но она знаменательна. Она заставляет глубже и острее ощутить связь Лермонтова с нашим великим и суровым сегодня.

Он прожил короткую и невеселую жизнь. 27 июля 1841 года у подножья Машука, в Пятигорске было совершено преступление, обдуманное с полным хладнокровием и рассчитанное на полную безнаказанность. Двадцатисемилетняя жизнь Лермонтова была оборвана. С тех пор прошло сто лет. Но то, что сделано на протяжении каких-нибудь двенадцати лет поэтом, и по сей день является красой и гордостью русской культуры. Его развитие было необыкновенно ранним, быстрым и напряженным. Уже пятнадцать лет он точно знал, какую несет в себе душевную бурю, и прислушивался к ней и ловил себя на том, что больше всего любит ее. Все написанное им представляет собою как бы метеорологический журнал этой бури.

Каждого, кто соприкасается с лермонтовской поэзией, прежде всего поражает цельный, резко выраженный характер автора, проявившийся еще в отрочестве. Этим характером нельзя не любоваться. С ранних лет он усвоил привычку к труду, ежедневному, усидчивому, напряженному. Энергия, сжатая в подростке, как пар в котле, неизбежно должна была вырваться наружу.

Мне нужно действовать. Я каждый день бессмертным сделать бы желал, как тень Великого героя. И понять Я не могу, что значит отдыхать.

Это одно из драгоценнейших для нас лермонтовских самопризнаний. В самой

угловатости тона чувствуется безотчетная живая правда. Так говорит подросток с хриплым ломающимся голосом. Так говорит трижды благословенная человеческая молодость: «Понять я не могу, что значит отдыхать». Юношеский характер Лермонтова — в действительности, в жажде дела и борьбы, борьбы во что бы то ни стало: со стихией, с врагом, — только такая борьба, только возможность такой борьбы казалась ему жизнью, достойной своего назначения. В ранней юности он выражал это ощущение смутно, хотя и с огромной силой:

Прочь отсель, туда, в кровавый бой.

Впоследствии он сумел найти не одну кованую формулу для своей жажды. Об этом написан «Парус». Об этом в горячем предсмертном жару говорит бедный мальчик, послушник грузинской обители Джвари:

Я мало жил, и жил в плену. Таких две жизни за одну, Но только полную тревог. Я променял бы, если б мог.

Так говорит Мцыри. Так мог бы сказать и не раз говорил сам Лермонтов:

Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан? — Он хочет жить ценою муки, Ценой томительных забот. Он покупает неба звуки. Он даром славы не берет.

В этих словах весь Лермонтов. Может быть, именно эти черты и роднят Лермонтова с поколением советских людей, прежде всего с нашей молодежью. Вспомним, что за плечами семнадцатилетнего Лермонтова были уже и «Испанцы», и «Странный человек», и ранние редакции «Демона»,

и «Последний сын вольности», и «Ангел Смерти», и ряд стихотворений, навеки вошедших в наши школьные хрестоматии, — словом, это было сложившееся творчество, полное напряжения. Истинное — взрослое творчество! Лермонтов рано начал, рано вошел в жизнь, потрясая рано стал самым собою.

Вот почему Лермонтов и наш молодой читатель подстать друг другу. И томик Лермонтова — частый спутник советского школьника старших классов, и вузовца, и бойца, и летчика, и краснофлотца, — каждый из них мог бы сказать вслед за Лермонтовым: «Понять я не могу, что значит отдыхать». Каждый из них рвется за Лермонтовым.

В тот чудный мир тревог и битв, Где в тучах прячутся скалы, Где люди вольны как орлы.

Понять, что этот чудный мир есть твоя родина, — вот задача, ясная и дорогая для каждого советского юноши.

Но сегодня, в дни великой отечественной войны, когда в каждом из нас докраена раскалено чувство Родины, этот широкоплечий поручик Тегинского полка, посланный царем на верную гибель, этот смуглый, неразговорчивый юноша приходит к нам совсем запросто. Многие он может рассказать нам о войне и мире, о народах, ставших для нас навсегда братьями, о простом русском солдате на Бородинском поле, о скромном Максиме Максимыче, об удалом Азамате — обо всем, что ему полюбили в простой народной душе. И, может быть, прежде всего он скажет о том, как стало для него священным имя Родины. Ему стали необходимы, как хлеб и воздух, родная земля и родной народ. Он думал, что любит родину «странной любовью». Да, в глазах света, в глазах окружающего его общества такая любовь была странна, так же, как и сам Лермонтов прославился «странным челове-

ком». А это была самая простая, живая и светлая любовь к родине, к ее рекам и полям, к родному народу, к его языку, к его истории и славе.

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын, Как русский, — сильно, пламенно и нежно! Люблю священный блеск твоих седи И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

Напрасно думал чуждый властелин С тобой, столетним русским великаном,

Померяться главою и — обманом Тебя низвергнуть. Тщетно поражал Тебя прищип: ты вздрогнул — он упал!

Вселенная замолкла... Величавый, Один ты жив, наследник нашей славы.

Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой — Заветное преданье поколений.

Лермонтов с малых лет знал свою кровную связь с историей России, с ее песней и сказкой. Все это богатство вошло в его творчество как надежная опора, как обещание расцвета. Лермонтов умер рано. Все сделанное этим гением только начало, но как прекрасно это начало! Пророчески-революционным было его чувство родины:

«Сказывается и сказка: Ерусалим Давидович сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом году проснулся от тяжкого сна и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят (подчеркивает Лермонтов) богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия».

Записаны эти слова в альбом друга. Как и когда родились они в сознании Лермонтова — неизвестно, да это и неважно. Они — лейтмотив его гордого чувства Родины. Он бился за нее, как простой пехотинец, в милах ему Кавказских горах. Царь плохо отблагодарил его за это. Жизнь заплатил Лер-

ОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
бульвар 2. Телефон 96-69

из газеты ИЗВЕСТИЯ
от 27 ИЮЛ 41
Газета №

монтов за свое высокое назначение в обществе, за песню, которая была так опасна в глазах царской власти и так необходима и его поколению, и многим последующим.

С тех пор прошло сто лет.

Совсем незадолго до войны, в погожий летний день мне пришлось побывать на месте кончины Лермонтова. Тряский автобус подвез по карнизу старого Машука пеструю компанию советских людей к памятнику из белого камня с четырьмя врытыми в землю орлами, сторожащими трагическую площадку. В автобусе были и поэты, и молодежь, и женщина-милиционер, коротко остриженная под форменной фуражкой, с добродушно грубоватым голосом. У подножья памятника шумела густая трава. Было ветрено, празднично, светло. В небе проносились и таяли легкие белые облака, а над ними реял серебряный пассажирский самолет. И если мастер быстроты, великий маэстро над облаками, поменялся легендарной долей с лермонтовским демоном, — то сам Лермонтов, затверженный с детства, был и в этом летчике, и в нас, в обыкновенных советских людях, пришедших поклониться крупине его праха, и в миллионах других советских людей, которые побывали здесь или еще придут.

27 июля 1841 года над этим местом разразилась сильная гроза, пошел проливной дождь. Как говорит очевидец, «перекаты грома пели вечную память новопреставленному рабу Михаилу». Так прощалась с Лермонтовым природа. Впереди была история. Она продолжается и сегодня. Это наша история, история нашей культуры.

Пусть же сегодня в честь Лермонтова без промаха бьют наши зенитки, мощно гудят наши моторы, жарко пылают наши дома, взволнованно бьются сердца наших патриотов на фронте и в тылу. На светлом знамени нашей победы, победы культуры над варварством, будет написано и славное имя поэта.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

